

ТОГДА, В ШКОЛЕ, ВСЁ БЫЛО ПРОСТО. Майка покороче, джинсы, еле держащиеся на самых косточках, чтобы весь живот наружу, — круто, мини-юбка — супер, а если со стразами — вообще ништяк. Зависать с подружками у кого-нибудь на квартире, слушать вдвоем новую понравившуюся песню через одни наушники, склонившись друг к другу, чтобы не повредить шнур, листать глянцевого журналы — чума. Модные издания — окно в мир эталонно красивых людей, которые живут на виллах с бассейнами и катаются среди огромных пальм на машинах без крыши. Здесь такой автомобиль, наверное, и года не протянет — зимой салон завалит снегом, и всё, а гараж — дорого, так папа говорил. Гараж действительно обошелся ему дорого: отец проводил там с приятелями столько времени, что в итоге мама отправила его туда жить насовсем. И маленькая Настя какое-то время верила, что папа теперь действительно живет в гаражном кооперативе, оттуда и звонит иногда по радиотелефону, который забрал с собой. Сотового у него не было, потому что собственная мобилка, особенно «раскладушка», — это слишком круто даже для папы. И кому ею хвастаться в гаражах, с ней нужно ходить в школу, чтобы все завидовали.

Насте оставалось только завидовать направо и налево. Мама считала, что ходить с голым животом ей рановато, мини-юбок она сама побаивалась — еще наклониться неудачно или ветер дунет, и все увидят, какие на тебе сегодня трусы. Мобилка в их маленькой компании, «тройственном союзе», как окрестила их мать, была только у Ланы, причем ей родители купили ту самую «раскладушку», крохотную, голубенькую, со шнурком, и девочка носила ее на шее, чтобы все видели. У Ланы вообще было, кажется, всё — и мод-

ные шмотки, и мобилка, и загар из солярия, и босоножки на такой платформе, что она часто взмахивала руками, ловя утерянное равновесие, и пару раз чуть не вывихнула щиколотку, сохраняя при этом самый беззаботный вид и хлопая покрашенными ресницами. Накрашенными! Насте позволялось пользоваться только гигиенической помадой и жирным кремом из жестяной баночки.

— Косметику тебе еще рано, — говорила мама. — Кожу испортишь. Вон и так брови выщипала, балда, не отрастут же потом.

Когда мамы не было дома, Настя упоенно портила кожу всем подряд из ее тумбочки. И если удавалось улизнуть густо, от души покрашенной в гости к Лане или к Ире — третьей участнице их союза, — она и во все чувствовала себя по-настоящему крутой. «Тройственный союз» больше никого в свои ряды не принимал, он был «элитным», как заявляла Лана — главная в компании и самая красивая в классе. Ира — самая умная, она читала Шекспира (причем врала, что в подлиннике) и цитировала поэтов-символистов, которых весь остальной 10 «Б» осиливал со скрипом и недоумением. Ей Настя тоже завидовала — за то, с какой легкостью и даже удовольствием подруга училась, а еще за полное равнодушие ко всему, что считалось крутым и желанным. Ире само слово «круто» не нравилось, она говорила, что крутыми бывают только горы и вареные яйца, и старалась выражаться как взрослая, чтобы «не скатиться до лексикона Элочки-людоедки»¹. Хотя иногда всё равно, конечно, скатывалась.

¹ Эллочка-людоедка — персонаж из романа «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова. Свое прозвище получила из-за сравнения с людоедами племени мумбо-юмбо, чей словарный запас «составлял 300 слов».

Настя подозревала, что в компанию ее приняли в качестве «невзрачной подружки для фона». Seriously, ну что в ней особенного? Лана — самая красивая, Ира — самая умная, а она... а у нее...

«А мой дед — шаман», — напоминала себе Настя и в такие моменты даже сама себе верила. Ее старик родился в Сибири, был на четверть манси — а значит, и внучке передал пару капелек крови этого малочисленного далекого народа. Дедова четвертушка никак не повлияла на Настину совершенно славянскую внешность, но всё-таки — Север, манси, шаманы... Получается, в «тройственном союзе» она была элементом экзотики — самая нездешняя, самая необычная. Для поддержания имиджа Настя даже выдумала личную легенду о том, как однажды дед рассказал ей кое-что о тайне перевала Дятлова¹, о случайном осквернении несчастными туристами мансийского святилища, но посвятить подружек в подробности она никак не может, дедушка запретил. Конечно, историю гибели дятловцев Настя с ним вообще ни разу не обсуждала, а хранить воображаемый секрет легко и приятно — тем более что ей так и не удалось придумать, что же такое поведал ей шаман.

Дед обычно заводил речь о своем колдовстве, вернувшись из гостей в приподнятом настроении или хлопнув на семейном празднике лишнюю стопку. Бабушка посмеивалась, что самого факта рождения

¹ Тайна перевала Дятлова — одно из самых загадочных событий советского туризма. В 1959 г. на Урале при странных обстоятельствах погибла тургруппа Дятлова: большинство людей были полураздеты, у нескольких зафиксировали тяжелейшие травмы, а палатку нашли разрезанной изнутри. Обстоятельства трагедии до сих пор окружены множеством слухов и породили десятки версий произошедшего.

в Сибири и четвертушки мансийской крови для этого маловато будет, но старик не сдавался: он, мол, третий сын седьмого сына, значит, точно шаман. Супруга тоже стояла на своем: это ж про колдунов деревенских поверье, и не третьим он должен быть сыном, а седьмым у седьмого.

— Так то обыкновенные колдуны средней полосы, — бурчал дед, — а у шаманов положено именно чтобы третий от седьмого был, а тот, седьмой, от третьего.

— Ты меня своей родовой математикой не путай. — Бабушка упирала руки в бока. — И главное — бубен, бубен твой где?

Дед оскорбленно замолкал. Бубна у него действительно не было. Бабушка победоносно хмыкала и, чтобы супруг не очень обижался, подкладывала ему в тарелку чего-нибудь вкусенького. Он вообще был человеком добродушным, рукастым — мог починить и кран в ванной, и дверной замок, и даже телевизор. По утрам читал газеты и иногда на них ругался, а вечером предавался тихому и трогательному хобби — клеил из спичек макеты всяких знаменитых архитектурных сооружений. В серванте на видном месте стояли крохотные Пизанская башня, собор Василия Блаженного и замысловатая китайская пагода, предмет особой гордости деда. Но стоило ему выпить — и он снова начинал претендовать на шаманство.

«Дедушке просто тесно в обыкновенной человеческой жизни, вот и хочется быть особенным», — думала Настя.

Уж кто-кто, а она деда в этом отлично понимала. Вот бы у нее был особенный талант — например, красиво петь или щелкать задачи, как орешки, какая-ни-

будь необыкновенная вещь, семейная реликвия, доставшаяся от прапрабабушки, да хоть крутые шмотки или телефон-раскладушка, как у Ланы, или особенное имя. У подружки-то имя было на самом деле обыкновенное, у Насти порой язык так и чесался сказать: «Что ты выпендриваешься, ты же обыкновенная Светлана, а мама тебя и вовсе Светкой зовет» — но это грозило вылетом из «тройственного союза». Поэтому девочка гордилась тем, что есть: она внучка шамана, пусть, вероятно, и самозваного, у которого даже бубна нет. Значит, Настя всё-таки особенная, пусть и с некоторыми нюансами.

КАК-ТО «ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ» тусовался дома у Ланы, поскольку ее родители уехали за обновлениями «в молл». Разумеется, она опять выпендривалась: настоящие моллы подружки только в кино видели, а так во всем городе ни единого не было, только торговые центры, по большей части похожие на крытые вещевые рынки в несколько этажей. Но сама Настя ходила на обыкновенные рынки, да еще и с мамой, которая постоянно норовила заглянуть к ней за шторку крохотной импровизированной примерочной, так что ладно, торговый центр — это уже круто.

Кости всему классу уже перемыли, кто с кем встречается — обсудили, напшикались всеми Ланиными духами — приторными, отдающими не то мылом, не то турецкой пудрой. Даже съели полкоробки иностранных конфет, и Настя размышляла, влетит за это подружке или ей вообще всё можно. Сидеть за компьютером втроем было неудобно, так что совместно сочиненные загадочные шифровки со смутными полунамеками улетели в «аську» только к нескольким одноклассни-

кам. Особенно досталось Макаровой, вечной сопернице Ланы. Та спросила у Иры, знает ли она какие-нибудь стихи о некрасивых, чтобы обозвать Макарову стремной, но завуалированно и поэтично. В итоге ей было отправлено двестише из «Некрасивой девочки» Заболоцкого, причем из середины, чтобы не сразу догадалась. Хотя Настя была уверена, что Макарова даже не подозревает о существовании такого стихотворения, как и они с Ланой до этого момента. Основным источником знаний о поэзии для них обеих были не уроки литературы, а Ира.

Потом все валялись на диване, листали журнал об иностранных звездах и скучали. Лана лениво комментировала наряды знаменитостей по своей обычной классификации: «гламурно», «четенько» и «колхоз». В «колхоз» были отправлены уже штук пятнадцать беззубых красавцев и красавиц, когда Настя увидела на очередной странице кадр из какого-то нового фильма. Там накрашенная по последней моде цыганка плясала с бубном на сельской ярмарке. Настя вспомнила главный бабушкин аргумент в спорах с дедом и, не сдержавшись, еле слышно хихикнула.

— Чего? — повернулась к ней Лана.

— Ничего, — замялась Настя.

То, что у ее знаменитого деда нет главного шаманского атрибута, грозило подпортить легенду, но вечные споры с неизменной победой бабушки были такими забавными, а язык, будь он неладен, опять чесался...

И Настя все-таки рассказала — разумеется, с некоторыми нюансами. Мол, дедушкин родовой бубен никак нельзя вывозить из Сибири, там его «место силы». А в Москве такой, понятное дело, взять негде. И ба-

бушка постоянно подкалывает его за то, что он — шаман без бубна.

От пересказа их диалогов — тоже, само собой, отредактированного — засмеялась даже Ира, Лана чуть не укатилась с дивана, повторяя: «А бубен твой где-е-е...» А потом вдруг вскочила, крикнула: «Ща!» — и выскользнула из комнаты в коридор.

Настя немного забеспокоилась и добавила, что все-таки про перевал Дятлова ее дед знает такое, чего нет ни в одной официальной версии, только это большой секрет.

— Там просто лавина на палатку сошла, — пожалала плечами Ира. — Вот и вся тайна.

— А почему они тогда... — начала было Настя, но тут из коридора послышалось мелодичное позвякивание.

— Вот! — Лана ворвалась в комнату и бросила на диван что-то небольшое, круглое и звенящее.

Это был старый детский бубен, потрепанный и запачканный, с почти полностью стершейся картинкой на пластиковой мембране. Оттуда игриво глядел чей-то уцелевший мультяшный глаз. Только металлические тарелочки на ободке сохранили какой-никакой блеск.

— Он мамин еще. — Лана постучала по бубну, и тот с готовностью зазвенел в ответ, как будто давно ждал, когда же с ним снова поиграют. — Считайте, антиквариат! — Она протянула игрушку Насте. — На, дарю. Пусть у твоего шамана будет бубен, тогда уж крыть нечем.

— Но это же... — Насте внезапно стало обидно за деда, ей хотелось сказать, что это какое-то... издевательство, да, наверное, издевательство. Шаману по-

ложен настоящий бубен — большой, деревянный, из оленьей кожи, и с палкой, или как оно там называется, чтобы в него бить. Но она и так уже сегодня наговорила лишнего, поэтому пробормотала: — Это ненастоящий бубен.

— Самый настоящий. — Лана закружилась по комнате, ритмично хлопая ладонью по мембране.

Тарелочки звенели, и Насте показалось, что подруга очень похожа на ту лихую цыганку с картинки, только длинной юбки не хватало.

— Ладно, — неожиданно для себя согласилась девочка, и бубен опять шлепнулся перед ней на покрытие. — Ба всегда смеется, а дедушка обижается...

— Для чего он им вообще нужен? Ну, шаманам? — спросила Лана.

— Чтобы камлать, — сказала Настя, уставившись на веселый мультяшный глаз.

— Чтобы что?

— Ну... камлать, говорю же...

— Это такой особый ритуал. Когда шаман бьет в бубен, он типа видит всякое, — негромко и спокойно, как всегда, начала объяснять Ира. — Духов и призраков, разные миры и измерения, разные времена. Он как бы выходит за пределы реальности и видит все, что было, есть и будет... Вообще я в такое не верю, просто в книжке читала.

— А сам бубен-то зачем?

— Он особые вибрации создает, чтобы шаман впал в транс. То есть, получается, из реальности вышел.

— Потрясно, — округлила глаза Лана. — А если я научусь так же в бубен бить, ну, чтоб вибрации получились, я тоже всё увижу?

— Ты — нет! — отрезала Ира.

Придя домой, Настя еще раз внимательно изучила замызганную погремушку, заметила, что на бубне еще и одной тарелочки не хватает, и сунула его в свой шкаф, на самую нижнюю полку. Нет, это все-таки правда будет издевательством, и вообще, если бы дедушка захотел, он давным-давно сам бы купил себе настоящий большой бубен. Только вот где взять шаманский, не декоративный, а родовой, намоленный...

Из-за стенки послышался хриплый кашель. Дед уже пару месяцев болел, бабушка твердила, что ему надо пойти к врачу, а старик отмахивался — очереди все эти из гриппующих, регистратура с будто специально вредничающими тетками, придешь в поликлинику с одной болячкой, уйдешь с целым букетом и злой как собака. Само пройдет.

Настя снова открыла шкаф. А ведь в этот бубен увлеченно колотило несколько поколений, игрушка старая, может, она теперь тоже вроде как... намоленная? Настя и сама не знала, откуда ей в голову пришло это слово. Дедушка рассказывал, что настоящие бубны копят в себе силы всех, кто с ними камлал, заряжаются, выходит, как аккумуляторы. Вдруг и этот успел немного зарядиться? Ира где-то читала, что детские игры — это по сути своей тоже ритуалы и обряды, только тренировочные, для самых маленьких. Дедушка болеет, ходит мрачный, по утрам откашливается долго и с трудом, и в груди у него то свистит, то хрипит... А так старик, может, хоть развеселится немного.

Когда девочка зашла в его с бабушкой комнату, он сидел за столом и, то и дело поправляя на носу очки с толстыми стеклами, клеил из спичек что-то сложное и ажурное. Настя, еле найдя на столе свободное от де-

дова инструментария местечко, аккуратно положила на него бубен:

— Это... это тебе.

Дедушка, щурясь, присмотрелся к подарку, потом поднял взгляд на внучку.

«Сердится», — испугалась та.

А дед, глядя то на бубен, то на покрасневшую Настю, вдруг начал смеяться. Потом закашлялся, и на его увеличенных линзами глазах выступили слезы. Он встал из-за стола и неуклюже обнял внучку — дед был крупный, как медведь, а Настя пошла ростом в маму, при случае гордо заявлявшую, что она не маленькая, а компактная.

— Спасибо, Настена. Нет, правда, спасибо...

— Бабушка спросит опять, а ты: вот мой бубен, ясно? Я настоящий шаман, — смущенно бормотала Настя, с тревогой прислушиваясь к многообразию звуков в дедушкиной груди.

— Самый что ни на есть всамделишный. — Дед хлопал ее по плечу и бережно положил бубен в ящик стола.

— Он очень старый, — на всякий случай сообщила Настя. — Может, зарядился уже?

Дед опять разразился лающим смехом, нашарил на столе ингалятор, вдохнул из него несколько раз, тяжело опустился на стул:

— Да не смей ты меня, ради бога, — и подмигнул Насте огромным слезящимся глазом. — А бабушке мы еще устроим...

УСТРОИЛ ДЕД НА ВОСЬМОЕ МАРТА — к этому времени бабушка все-таки заставила его сходить в ненавистную поликлинику. Там ему диагностировали болезнь легких с очень сложным, многосоставным названием,